

Айварас Вейкнис

Про любовь без единого крылышка

С литовского. Перевод Георгия Ефремова

Зеркальце

Он прервал молчанье и поведал свету,
что квартиры нету и машины нету,

что скупа природа на хвалу и милость,
что душа томилась — вот и утомилась,

что никто не стоит ни добра, ни худа,
что совсем не жалко ни скота, ни люда,

что напрасно солнце на ладонь упало,
что копить бы надо, но терпенья мало,

что смешно и глупо оказаться мужем,
что любить накладно, а ребёнок нужен,

что для птиц пригодней небеса, чем клетки,
что друзья и зубы стали очень редки,

что безумье рядом, у непрочной грани,
что лекарств от боли нету, кроме брани,

Айварас Вейкнис (Aivaras Veiknys) — поэт, журналист. Родился в 1983 году в Литве, в г. Электренай. В 2001-м поступил на строительный факультет Вильнюсского технического университета им. Гедимина. Работал каменщиком, столяром, консультантом страхового агентства, репортером газеты «Республика». Автор трех поэтических сборников. Один из основателей литературного фестиваля «Виленские свержения». Живет в Вильнюсе.

Георгий Ефремов — поэт, переводчик, прозаик, драматург. Родился в 1952 году в Москве. Учился в Вильнюсском педагогическом институте. Публикуется с 1970 года. Переводит литовскую поэзию и поэзию других стран. Автор одиннадцати сборников стихов, Полного собрания сочинений в 5 томах (Вильнюс, 2017). Первый лауреат Премии Балтрушайтиса за особый личный вклад в литовскую и русскую культуры (2006) и др. Живет в Вильнюсе.

что слова святые — результат мороки,
потому наутро выцветают строки,

и в литературе нет укромной ниши,
да и все высоты с каждым днём всё ниже:

ни души бессмертной, ни гроша земного —
зеркальце родное, помолчи немного.

Попробуй вырастить

вырасти притолок
стол взрасти
чтобы соседские
головы
потом
говорили —

он такой же
как мы
у него дома
стол
здоровенный

а вот стулья
растить не надо —
заранее выстави
несколько
самых потрёпанных
чтобы соседские
рты
присели
но засиделись
не слишком

Продиктовано озерцом

Белизна утопленной Луны
изборождена мальками наспех,
окуни, как раньше, голодны
и повсюду — вечный головастик,

уткам страшен бессловесный гимн —
солнечная сталь на плёсе раннем —
я её задую, но таким
образом, боюсь, мы смерть приманим:

две черты на косяке дверном —
новому начало частоколу,

ветер в поле, в мире всё вверх дном,
так непросто собираться в школу

и брести впотьмах вдоль озера —
точками-тире пространство мера, —
а потом, уже войдя в сердца,
различить немислимого зверя...

Мама! Озарённый слепотой,
снова путаю зерно с половой —
за соломинку цепляюсь: твой
вечный
головастик безголовый...

Спиной так спиной

такая история — босиком из постели —
тихо-тихо на цыпочках — тихо-тихо —
вижу, отец спит спиной к матери —
ну и что же, я думаю, спиной так спиной —
а через минуту — будильник, зелёные цифры —
вот и проклятая дверь — такая скрипунья —
зубы сжимаю крепко — до самого треска —
юрк — прямо в кухню по-воровски пластично —
слава тебе, полнота воды кипячёной —
утолил себе жажду и снова назад по-тихому —
вижу, мама теперь спит спиной к отцу —
ну и что же, я думаю, спиной так спиной

Элегантность

моя лодка
сама элегантность
гребу осторожно
чтобы её не задеть
ведь элегантность
очень ранима

озеро — само чудо
его берега так изящно
вычурны

сколько — гадаю — лет ушло
на такую изысканную резьбу
чтобы мы начав с разных сторон
окончательно встретились посередке
и перчаточки белые не поблекли
от скуки?

её имя Агнета
сестра у неё двойняшка
и вдруг промелькнуло
что лицо у Агаты
много нежнее
чем у Агнеты
и что Агате не надо
белых перчаточек
ибо...

Стыдливость Агаты
вызывает улыбку
чего смеёшься? —
спрашивает Агнета
на другом конце лодки

так, ничего.

Рядовая нарядная осень

Вот нарядная рядовая осень —
ранним утром в дзукийскую глушь
за грибами уходит поэт первосортный.

Второсортный облапит пальто
и в прорехе кармана
обнаружит заветные знаки —
драгоценную опаль вчерашней осени,
так удачно забытую до поры.
А тогда он распустит стихи
любовь без единого крылышка,
ибо мало что удалось извлечь
из расщелины, из кладовой прошлогдней;
про замызганный столик в кафе,
за которым не усидеть и двоим,
о засиженном мухами сердце.

Он рифмует — а всюду желанье,
ежегодная многолетняя похоть,
даже градусник в буйной горячке
над стеклянной дверью аптеки,
на которой напишут — ЗАКРЫТО.
Это минимум на неделю,
а потом непосредственно свыше
спустят несколько доз аспирина
и микстуру от смертной простуды.

Долгострочная срочная прочная осень,
и поэт в неизменной печали,
и подсолнухи у него на столе
запинаясь, читают сонет о земле —
второсортном цветном карнавале.

Стихотворческий идиот

Малым сим в мирозданье несладко:
Всюду книжный насиженный космос.
Но в стихах не видать недостатка —
Пели Тадас, Мартинас и Костас.

Ты твердила о качестве высшем,
Пыль стирая с обложек и полок...
Но бывает — не столько мы пишем,
Сколько пышем пыльцой недомолвок,

И — расчётливы и нарочиты —
Врём, что нас обошли и надули:
Нет стихам ни малейшей защиты —
Ни щита, ни меча, ни пилюли.

Жизнь отмечена качеством низшим,
Чувства знают усушку-утруску.
И теперь к нескончаемым виршам
Идиота получишь в нагрузку.

Порождение младенца

Ни сиянья, ни затмения,
ни дождя, который снится —
никакого дуновенья,
ни звезды, а лишь синица

за углом, в посмертной дрёме
(что-то вспыхнуло, затмилось)...
Помню: взял её в ладони —
сразу понял, что случилось.